
Наталья ТИМОФЕЕВА

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА

Скрип половиц. Замедленная речь.
Горит теплом разморенная печь,
И рыжий кот растянут на диване.
Щеколда стукнет, загудит в трубе.
Поправлю плед заснувшему тебе —
День уплывает лодкой в океане.

И растворяясь в сумерках небес,
Чернеет хлебной корочкою лес.
А после по законам океана
Его глотает темно-синий мрак,
Где лодку не догнать уже никак, —
Не вытащив удой Левиафана.

Пусть семь потов сойдут во сне веков
И выйдет Нил из древних берегов,
Плыви себе в видениях Танаха.
Архангел Гавриил наточит меч.
Ветхозаветным гулом дышит печь —
В ней догорает половица страха.

Увидишь сам, как утром в феврале
Две первые звезды, взойдя в золе,
По дымоходу вырвутся наружу.
От них пойдут вселенские ростки...
Ну а пока на лепесток руки
Клади во снах истерзанную душу.

Здесь хорошо. Здесь прост и ясен быт.
И чайник на живом огне кипит.
Вкуснее чай от чабреца с душицей.
Ты будешь чист, проснувшись поутру.
И жизнь начнешь со снега на ветру
От Иоанна первую страницей.

Наталья Валерьевна Тимофеева родилась в 1972 году. Поэт и переводчик. По первому образованию учитель иностранных языков, второе образование — экономическое. Окончила курс литературного мастерства в Литературном институте им. А. М. Горького, литературные курсы им. А. А. Ахматовой. Публиковалась в журналах «Юность», «Причал», «Перископ», «Западная Двина», «Новый Ренессанс», «Царицын» и др. Автор трех поэтических сборников и сборника литературных переводов. Живет в г. Химки (Подмосковье).

УРБАНИСТИЧЕСКИЙ ФЕВРАЛЬ

Не удушающим теплом,
Но лаской февраля холодной
Стекло воспринимаешь лбом
В оконной раме первородной,
Первородящей — так точней
(Ты видишь новый день впервые).
Обрамлены картинно в ней
Река и сосны вековые,
Глубокий снег и тонкий мрак
По длинной нити небосклона,
И заживающий овраг
Вдоль складки серого бетона,
И то, как птица чертит путь
Концом крыла по небосводу.
Пора. Ты тоже как-нибудь
В февраль войдешь, не зная броду,
Чтоб, словно белый блик стекла,
Дыханием в него вонзиться
И формой своего тепла
На полотне отобразиться.

* * *

Дождь по мостовой — не удивительно.
Серый контур города промок.
Вот прохожий на бегу стремительно
Мне отвесил зонтиком кивок.
Все бегут — ручьи, машины, улица,
Время, мысли, капли по лицу.
Намокая, белый лист сутулится,
Подводя заведомо к концу
Так и не написанной истории
Наблюдения за дождем мои,
Как плывут нелепо в акватории
Люди-шлюпки, люди-корабли...

ПЕРЕЗАГРУЗКА

Идут снега. Куда они идут?
Каким посевам обещав уют,
Спускается небесная прохлада?
Сгибаясь под ветрами в снегопад,
Прохожий люд не очень снегу рад,
Но снег идет. Да так оно и надо:

Когда наутро станет белым свет,
И солнышко появится в просвет,
И ребяшня повалит на салазках
Кататься на заснеженной горе,
Как станет царство белое в цене!
Пойдут в сети репосты: «Это сказка!»
Бывает очень трудным переход
От черной полосы сплошных невзгод
До вспышки озаренья и удачи.
Ты вспомни, как белеть умеет свет,
Когда уже ни сил, ни веры нет.
Но выпал снег — к перезагрузке, значит!

НОЯБРЬСКИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

У неуютя имя ноября —
распутица, сумятица, простуда.
Дождь поливает первые полдня,
вторые — снег метет из ниоткуда.
Ты попадаешь с этим в никуда
и тычешься в пространство без ответа.
А фонарей горящая слюда
уже в снега налипшие одета.
И все вокруг меняет контур свой.
Угрюмость натянув до подбородка,
ты потечешь за белую рекой
и вмерзнешь в снег, как брошенная лодка...

ФОРТОЧКА

в открытую форточку неба
струятся дожди
песок мировых пустынь
и осколки холодного света
под куполом серым меняются только вожди
на бледных плакатах всегда черно-белого лета
плывут косяки онемевших
запуганных лиц
на нерест труда и неволи
в большой постсоветской запруде
и небо струится из их опустевших глазниц
и в форточку Бога как свет прорываются люди